

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ В ПЕРИОД КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ: ДИНАМИКА, ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРОИЗВОДСТВЕННАЯ СТРУКТУРА

Реконструированы изменения в организационно-производственной структуре сельского хозяйства Восточной Сибири в 1929–1938 гг., показана его динамика. Сделан вывод, что в ходе массовой коллективизации в полной мере не удалось решить задачу замены мелкотоварного крестьянского уклада крупным социалистическим.

Ключевые слова: сельское хозяйство, коллективизация, колхозы, совхозы, личные приусадебные хозяйства, Восточная Сибирь.

V. A. ILYINYKH

RURAL ECONOMY OF EAST SIBERIA DURING COLLECTIVIZATION: DYNAMICS, ORGANIZATIONAL-MANUFACTURING STRUCTURE

The article reconstructs changes in organizational manufacturing structure of rural economy in East Siberia in 1929–1938s and shows its dynamics. The author draws a conclusion that small-goods peasant practice was not substituted to the full extent by large socialistic set during mass collectivization.

Keywords: rural economy, collectivization, kolkhozes, sovkhoses, kolkhozniks' individual households, East Siberia.

Политические катаклизмы рубежа 1910–1920-х гг. в большинстве регионов европейской части страны в силу ликвидации помещичьих и крупных предпринимательских хозяйств привели к трансформации аграрного строя. В Сибири качественных изменений в аграрной сфере не произошло. Организационно-производственной основой сельского хозяйства региона в 1920-е гг. оставалось индивидуальное крестьянское хозяйство. Однако применявшийся большевистским режимом по отношению к зажиточным слоям деревни экономический и политический прессинг привел к нивелировке деревни на более низком, чем до революции, имущественном уровне. Замедление темпов развития сельского хозяйства во второй половине 1920-х гг., ставшее следствием мелкотоварного характера аграрного производства, наглядно продемонстрировало, что нэп не обеспечивает решения задач модернизации страны.

В конце 1920-х гг. советское руководство поставило задачу замены мелкотоварного крестьянского хозяйства высокотоварным социалисти-

ческим. Организационно-производственной основой реконструируемого аграрного строя должны были стать крупные сельхозпредприятия индустриального типа. Для крестьян обязательным этапом перехода к социалистическому хозяйству было их объединение в производственные кооперативы (коллективизация). Важная роль в преобразовании сельского хозяйства отводилась крупным специализированным совхозам. Превосходя колхозы по уровню механизации, концентрации производства и производительности труда, они должны были стать локомотивами аграрной экономики. Коллективизация и совхозное строительство рассматривались как гарантия существенного наращивания валового и товарного производства сельхозпродукции, которое должно было привести к многократному увеличению объемов и стоимости аграрного экспорта и таким образом обеспечить средствами ускоренное развитие тяжелой промышленности.

В конце 1929 г. было принято решение о переходе к форсированной коллективизации. Взвинчивание темпов колхозного строительства в начале 1930 г. привело к нарастанию кризисных явлений в деревне и приостановке массовой коллективизации. В восточных округах Сибирского края ее уровень снизился с 48 % в начале марта до 17 % в конце мая [1, л. 3]. События начала 1930 г. вызвали существенные изменения в организационно-производственной структуре сельского хозяйства региона. Колхозы, хотя и не стали, как это планировалось, преобладающей формой аграрного производства региона, тем не менее многократно увеличили свои количественные параметры. Летом 1930 г. в Восточно-Сибирском крае их доля в общей площади посевных площадей составляла 21,8 %, в поголовье лошадей — 14,3, КРС — 15,9, коров — 16,1, овец и коз — 12,8, свиней — 12,4 %. В 1929 г. эти показатели равнялись 5,1, 2,2, 1,8, 1,7, 1,8 и 1,2 % соответственно. Удельный вес совхозов, строительство которых в 1930 г. еще только разворачивалось, оставался незначительным: 1,2 % — в посевных площадях, 0,3, 0,4, 0,7, 1,9 и 0,2 % — в поголовье указанных видов скота соответственно [8, с. 256; 9, с. 139, 184, 185].

Отступление режима носило тактический характер, и уже в конце года коллективизация деревни возобновилась. В Восточно-Сибирском крае на 31 декабря 1930 г. вне колхозов числилось 80 % крестьянских дворов, на 1 июня 1931 г. — 56, на 1 января 1932 г. — 44 %. Весной 1931 г. доля посевов единоличников в общей посевной площади сократилась до 33 %. К концу лета в их хозяйствах содержалось менее половины рабочего и продуктивного скота. В 1932–1933 гг. вклад единоличных дворов в сельскохозяйственное производство еще больше снизился. В Восточно-Сибирском крае в 1932 г. единоличниками было засеяно около четверти общей площади пашни, в 1933 г. — немногим более одной пятой [9, с. 139, 185; 2, с. 308; 8, с. 256]. Летом 1933 г. еди-

ноличным дворам Восточной Сибири¹ принадлежало 24,8 % лошадей, 21,6 % голов КРС, 26,7 % коров, 8,2 % овец и коз, 23,3 % свиней (табл. 1) [3, с. 122, 131, 153, 157].

Таблица 1

**Структура поголовья скота в Восточной Сибири в июне 1933 г.
по категориям хозяйств, %**

Тип хозяйств	Лошади	Крупный рогатый скот		Овцы и козы	Свиньи
		всего	в том числе коровы		
Колхозы	63,6	37,5	24,7	50,4	27,6
Государственные хозяйства	9,7	13,3	13,8	26,0	14,3
Итого по социалистическому сектору экономики	73,3	50,8	38,5	76,4	41,9
Хозяйства единоличников сельской местности	24,8	21,6	26,7	8,2	23,3
ЛПХ колхозников	0,6	25,5	30,8	15,2	34,0
Индивидуальные владельцы в городской местности	1,4	2,0	4,0	0,2	0,8
Итого по индивидуальному сектору экономики	26,8	49,1	61,5	23,6	58,1

Примечание. В 1933 г. статистические органы включали ЛПХ рабочих и служащих сельской местности в категорию единоличных хозяйств.

Параллельно со снижением удельного веса крестьянских хозяйств увеличивалась роль так называемого социалистического сектора аграрной экономики. Базовой организационно-производственной формой ведения сельского хозяйства стали колхозы. Они абсолютно преобладали в полеводстве и приобретали все возрастающее значение в животноводстве. В Восточно-Сибирском крае их доля в общей площади посевов составляла в 1931 г. 52,4 %, в 1932 г. — 64,0, в 1933 г. — 71,8 % [8, с. 256]. Летом 1933 г. колхозам Восточной Сибири принадлежало 63,6 % лошадей, 37,5 % поголовья КРС, 24,7 % коров, 50,4 % овец и коз, 27,6 % свиней (см. табл. 1). Наряду с коллективизацией в регионе развернулось совхозное строительство. Доля посевных площадей совхозов Восточно-Сибирского края составляла в 1930 г. 1,2 %, в 1931 г. — 8,1, в 1932 г. — 10,4, в 1933 г. — 15,1 % [8, с. 256]. В июне 1933 г. во всех видах госхозов Восточной Сибири содержалось 13,3 % голов КРС, 13,8 % коров, 26 % овец и коз, 14,3 % свиней (см. табл. 1).

В процессе коллективизации возник новый сектор сельской экономики — личные приусадебные хозяйства (ЛПХ) колхозников. Ведение подобной формы хозяйства в минимальных размерах планами социалистической реконструкции деревни не исключалось, однако его сколь-ни-

¹ Здесь и далее приведенные в тексте статистические данные по Восточной Сибири включают обобщенную информацию по Бурят-Монгольской АССР, Красноярскому краю, Иркутской и Читинской областям в границах 1938 г.

будь значимого вклада в формирование валовой и товарной продукции сельского хозяйства не предусматривалось. На начальном этапе коллективизации власти добивались максимального «обобществления» имущества колхозников. В начале марта 1930 г. такие «перегибы» были осуждены. Колхозникам позволялось иметь небольшой огород и минимальное количество крупного и мелкого рогатого скота, свиней. Наличие рабочего скота в ЛПХ членов сельхозартелей не предусматривалось.

Рост числа колхозных дворов в 1931–1932 гг. приводил к повышению удельного веса ЛПХ. Однако рост данного сектора экономики был неустойчивым. Принадлежавший членам колхозов скот по-прежнему рассматривался как источник пополнения колхозных ферм. Значительное количество животных колхозники были вынуждены сдавать государству в счет мясоставок или забивать для собственного потребления, чтобы не погибнуть от голода. Доля приусадебных посевов членов колхозов в общей посевной площади в регионе составляла около 1 %. ЛПХ уступали колхозам по поголовью КРС и овец, но превосходили их по числу коров и свиней.

Приусадебное хозяйство также заводили некоторые рабочие и служащие. К этому их побуждала нехватка продовольствия. В то же время наличие в хозяйстве продуктивного или рабочего скота могло обернуться его квалификацией как единоличного со всеми вытекающими отсюда фискальными последствиями. В связи с этим значение ЛПХ рабочих и служащих в аграрной экономике в начале 1930-х гг. было минимальным.

Происходившее вытеснение индивидуального крестьянского хозяйства на периферию аграрной экономики и приход ему на смену социалистических сельхозпредприятий к ожидаемому наращиванию производства не привели. Следствием скоротечного реформирования аграрного строя стал глубокий кризис животноводства в регионе. Поголовье лошадей в Восточно-Сибирском крае в 1933 г. снизилось по сравнению с 1929 г. в 2 раза, КРС — в 2,3, овец и коз — в 3,5, свиней — в 2,6 раза. В растениеводстве падения производства не произошло. В 1933 г. общая площадь посевов в крае превышала показатели 1929 г. на 4,7 %, а посевы зерновых культур — на 7,0 %. Однако валовые сборы зерновых не только не выросли, но и имели тенденцию к снижению, составляя в 1930, 1931, 1932 и 1933 гг. соответственно 96,7, 97,4, 92,3 и 95,4 % от уровня 1929 г. [8, с. 247, 270, 271, 517, 518; 9, с. 193].

Однако государство, уверенное в высоком производственном потенциале колхозов, намеревалось получить от колхозной деревни сельхозпродукции больше, чем до начала массовой коллективизации. При этом невыполнение заготовительных планов воспринималось как проявление «кулацкого саботажа» и пресекалось административными и репрессивными мерами. Колхозы не производили необходимого для

государства количества продукции и были вынуждены выполнять планы заготовок за счет своих семенных, кормовых, страховых и потребительских фондов.

Поскольку фактически всю производимую продукцию изымало государство, то ресурсы для оплаты труда своих членов у колхозов отсутствовали. Практически ничего не получавшие за свой труд колхозники работали на «общественных» полях и фермах «спустя рукава». Массовый характер приобрело бегство из деревни. Широкое распространение получили хищения колхозного имущества, прежде всего хлеба. Ответом режима становятся массовые репрессии, «закон о колосках», введение паспортной системы.

Новая модель аграрного строя, которая сменила нэповскую, отличалась сверхнормативным отчуждением сельскохозяйственной продукции. Его организационно-производственной основой являлись колхозы, к которым в качестве фактически бесплатной рабочей силы прикреплялись бывшие крестьяне. Колхозы, с одной стороны, находились под жестким административным, финансовым и технологическим диктатом государства, а с другой — функционировали на принципах самокупальности, осуществлявшейся в условиях абсолютно неэквивалентного и принудительного обмена.

В 1933 г. перед центральными и местными властями вновь встала задача восстановления сельского хозяйства. Его подъему способствовало реформирование системы государственных заготовок сельхозпродукции, организационно-хозяйственное укрепление колхозов, наращивание материально-технической базы аграрного производства.

Преодолению кризисных явлений также должно было способствовать развитие ЛПХ колхозников. Они стали рассматриваться как средство, позволяющее в значительной степени освободить колхозы от необходимости использовать свои ресурсы для оплаты труда своих членов. Абсолютно большую часть произведенной колхозами продукции надлежало отчуждать в пользу государства. Источником же большей части продуктов питания (за исключением хлеба) и денежных доходов колхозников было призвано стать их личное хозяйство. Более того, часть ресурсов ЛПХ в виде натуральных и денежных налогов должна была передаваться государству. В 1932–1934 гг. принимается серия партийно-правительственных постановлений, обязывающих местные власти ликвидировать «бескоровность» и «бескотность» колхозников, оказав им помощь в приобретении и выращивании молодняка. В 1935 г. был принят новый Примерный устав сельхозартели, в котором предусматривались более высокие предельные нормы личного хозяйства, чем в старом [5, с. 55–56].

Увеличение нормативных размеров ЛПХ в сочетании с дополнительным наделением землей и помощью в приобретении крупного рогатого

и мелкого скота дало положительный эффект. С июня 1933 г. по конец 1937 г. поголовье КРС в приусадебных хозяйствах членов колхозов Восточной Сибири увеличилось в 1,9 раза, коров — в 1,6, овец и коз — в 2,1, свиней — в 2,2 раза [3, с. 122, 131, 153, 157]. Высокими темпами наращивалось поголовье скота в ЛПХ рабочих и служащих сельской местности. Это объясняется значительным увеличением численности данной категории жителей деревни. Следует также отметить, что большая часть приусадебных хозяйств рабочих и служащих в середине 1930-х гг. была освобождена от уплаты сельхозналога. Не привлекались они и к обязательным поставкам сельхозпродуктов.

Позитивные сдвиги произошли и в динамике колхозного скотоводства. Относительное увеличение объемов кормопроизводства, улучшение зоо- и ветеринарного обслуживания привели к некоторому сокращению падежа. Снизились забой скота и его сдача в счет мясозаготовок. Несмотря на предпринимаемые усилия, темпы наращивания поголовья в колхозах были ниже, чем в индивидуальном секторе экономики. С июня 1933 г. по конец 1937 г. стадо КРС в колхозах Восточной Сибири увеличилось на 37,6 %, коров — на 52,3, овец и коз — на 63,8, свиней — на 20,2 % [3, с. 122, 131, 153, 157]. Крайне медленно росла продуктивность скота. К числу факторов, сдерживающих развитие колхозного животноводства, относились низкий уровень кормопроизводства, недостаток специализированных помещений, неудовлетворительный уход за животными. В скотоводстве абсолютно преобладал ручной труд.

В совхозах, напротив, произошло сокращение поголовья: КРС — на 20,8 %, коров — на 34,5, овец и коз — на 18,7, свиней — на 3,1 % [3, с. 122, 131, 153, 157]. Это было связано с коррекцией взглядов руководства страны на перспективы данной формы производства. Положение дел в совхозах, которые были призваны демонстрировать крестьянам преимущества крупного «социалистического» производства, складывалось не лучше, чем в колхозах. В них также не соблюдались элементарные агротехнические и зоотехнические правила, относительно низкими были урожайность и продуктивность животных. В то же время себестоимость производства сельхозпродукции в совхозах была на порядок выше, чем в колхозах. Государство было вынуждено тратить значительные средства на их материально-техническое и финансовое обеспечение. Работники совхозов в отличие от колхозников получали гарантированную заработную плату. В связи с этим программа расширения совхозного сектора была свернута. Было проведено разукрупнение совхозов. Часть принадлежавших им земель и скота передавалась колхозам. Ряд хозяйств был ликвидирован, ряд — изменил свою специализацию.

В середине 1930-х гг. произошла минимизация роли единоличных хозяйств в аграрной экономике. В регионе продолжалась коллективизация.

На 1 июля 1934, 1935 и 1937 гг. вне колхозов в Восточной Сибири оставалось 35,8, 21,1 и 8,9 % крестьянских дворов соответственно. В конце 1934 г. единоличникам региона принадлежало 11,7 % лошадей, 9,6 % голов КРС, 11,1 % коров, 3,8 % овец и коз, 12,1 % свиней, в конце 1937 г. — 1,2, 1,5, 1,7, 0,4 и 1,5 % соответственно [4, с. 3, 3, с. 122, 131, 153, 157].

Разница в динамике численности скота по различным категориям владельцев сказалась на похозяйственной структуре стада. Колхозы и совхозы укрепили свое доминирующее положение в коневодстве. В продуктивном животноводстве произошло наращивание позиции ЛПХ, которые заметно потеснили социалистические хозяйства. В рамках «общественного» сектора снизилась роль совхозов (табл. 2) [3, с. 122, 131, 153, 157].

Таблица 2

Структура поголовья скота в Восточной Сибири на 1 января 1938 г. по категориям хозяйств, %

Тип хозяйства	Лошади	Крупный рогатый скот		Овцы и козы	Свиньи
		всего	в том числе коровы		
Колхозы	74,7	37,7	29,4	59,2	23,1
Совхозы	3,8	5,2	5,2	12,1	3,9
Прочие государственные и кооперативные хозяйства	12,7	2,5	1,8	3,0	5,9
Итого по социалистическому сектору экономики	91,2	45,4	36,4	74,3	32,9
Хозяйства единоличников сельской местности	1,2	1,5	1,7	0,4	1,5
ЛПХ колхозников	1,3	36,2	38,5	22,6	51,1
ЛПХ рабочих и служащих сельской местности	3,6	11,9	15,5	1,9	9,8
Индивидуальные владельцы в городской местности	2,8	4,9	7,9	0,8	4,7
Итого по индивидуальному сектору экономики	8,9	54,5	63,6	25,7	67,1

Абсолютно преобладающая часть рабочего скота находилась в колхозах, которые занимали ведущие позиции также в овцеводстве. В индивидуальном секторе была сосредоточена большая часть стада КРС, коров и свиней. По количеству КРС ЛПХ колхозников незначительно уступали колхозам, но существенно превосходили их по числу свиней и коров. Колхозники владели более чем половиной свиней, двумя пятьми коров и двумя третьими поголовья КРС. В ЛПХ рабочих и служащих сельской местности было сосредоточено относительно большое стадо коров и КРС.

В целом по всем секторам аграрной экономики региона с 1 июля 1933 г. по 1 января 1938 г. поголовье КРС в Восточной Сибири увели-

чилось на 37 %, коров — на 28, овец и коз — на 39, свиней — на 43 %. Тем не менее, достигнутые показатели численности скота существенно уступали уровню десятилетней давности. К концу 1937 г. скота в регионе было меньше, чем в 1928 г. (КРС — на 38 %, коров — на 35, свиней — на 47, овец — на 52 %) [3, с. 19, 28, 50, 54].

Организационная структура и динамика развития растениеводства существенно отличались от аналогичных параметров животноводства. В 1938 г. пашни в Восточной Сибири было засеяно на четверть больше, чем в 1928 г. Посевы зерновых культур выросли почти на треть. Абсолютно преобладающей формой организации производства в отрасли в 1938 г. являлись колхозы, удельный вес площади посева которых увеличился с 71,8 % в 1933 г. до 86,4 % в 1938 г. Доля совхозов в посевных площадях в 1938 г. составляла 8,3 %, остальных государственных и кооперативных предприятий — 2,6 %. В 1933 г. госхозы всех видов засевали 15,7 % пашни. На индивидуальный сектор в регионе приходилось всего лишь 2,7 % посева, в том числе на ЛПХ колхозников — 1,8 %, на ЛПХ рабочих и служащих — 0,8, на единоличные хозяйства — менее 0,2 % [6, с. 6, 7, 10, 15, 16, 19; 7, с. 41].

Однако за внешним благополучием скрывались серьезные проблемы. Несмотря на увеличение, по сравнению с доколхозным периодом, посевных площадей, зерновая проблема ни в регионе, ни в стране в целом не была решена. Урожаи хлебов оставались неустойчивыми. Забвение доказавших свою эффективность приемов обработки земли и внедрение не проверенных на практике агротехнических «новаций» привели к падению плодородия почв. Резко возросли потери при уборке. Колхозы в 1930-е гг., как по своим размерам, так и по уровню механизации, так и не стали «фабриками зерна». Им принадлежал лишь ручной и конный инвентарь. Сложные сельхозмашины находились в машинно-тракторных станциях (МТС), которые на возмездной основе, взимаемой в форме натуральной оплаты, занимались производственно-техническим обслуживанием колхозов.

Социалистический сектор аграрной экономики Восточной Сибири абсолютно преобладал только в производстве зерновых, кормовых и технических культур: в 1938 г. — соответственно 99,8, 97,9 и 93,8 % посевных площадей. В то же время в картофелеводстве ведущее место занимал индивидуальный сектор, на долю которого приходилось 59,9 % занятых данной культурой площадей (в том числе на ЛПХ колхозников — 45,3 %, ЛПХ рабочих и служащих — 12,2, единоличных хозяйств — 2,4 %). Удельный вес индивидуальных хозяйств в посадках овощей составлял 26,2 % [7, с. 41, 43, 82, 89, 93, 97, 101, 121, 126, 131].

Таким образом, форсированная коллективизация в Восточной Сибири в краткосрочной перспективе привела к кризису животноводства и стагнации зернового хозяйства. В 1933 г. началось восстановление сель-

ского хозяйства. К концу 1930-х гг. посевные площади превышали уровень, достигнутый в конце предыдущего десятилетия. Однако поголовье скота восстановить не удалось. В целом ухудшились качественные показатели сельского хозяйства (урожайность, продуктивность). Не была в полной мере решена и поставленная в конце 1920-х гг. задача замены мелкотоварного крестьянского уклада крупным социалистическим. В крупных хозяйствах региона (колхозах и совхозах) производилась абсолютно большая часть зерновых, кормовых и технических культур. Основным производителем картофеля и молока стали ЛПХ сельских жителей, размеры и товарность которых уступали даже бедняцкому хозяйству доколхозной деревни. В ЛПХ также производилась значительная часть мясопродуктов и овощей.

Список использованной литературы и источников

1. Государственный архив Новосибирской области (ГАО). Ф. Р-12. Оп. 1. Д. 2033.
2. Гущин Н. Я. Сибирская деревня на пути к социализму. (Социально-экономическое развитие сибирской деревни в годы социалистической реконструкции народного хозяйства. 1926–1937 гг.) / Н. Я. Гущин. — Новосибирск : Наука, Сиб. отд-ние, 1973. — 520 с.
3. Животноводство СССР за 1916–1938 гг. : стат. сб. — М.; Л. : Госпланиздат, 1940. — 220 с.
4. Колхозы во второй сталинской пятилетке : стат. сб. — М.; Л. : Госпланиздат, 1939. — 144 с.
5. Очерки истории крестьянского двора и семьи в Западной Сибири. Конец 1920-х — 1980-е гг. / под ред. В. А. Ильиных. — Новосибирск : Изд-во ИДМИ, 2001. — 188 с.
6. Посевные площади СССР (Динамика за 1928, 1932–1938 гг. в сопоставлении с 1913 г.). — М.; Л. : Госпланиздат, 1939. — 331 с.
7. Посевные площади СССР. 1938 г. : стат. справ. — М.; Л. : Госпланиздат, 1939. — 334 с.
8. Сельское хозяйство СССР : ежегодник 1935. — М. : Сельхозгиз, 1936. — 1468 с.
9. Экономико-статистический справочник по Восточно-Сибирскому краю. — Иркутск : Крайгиз, 1932. — 428 с.

Информация об авторе

Ильиных Владимир Андреевич — доктор исторических наук, заведующий сектором аграрной истории, Институт истории СО РАН, 630090, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8, e-mail: agro_iwa@mail.ru.

Author

Ilyinykh Vladimir Andreevich — Doctor of Historical Sciences, Head of Agricultural History Sector, Institute of History of Siberian Branch Russian Academy of Sciences, 8, Nikolaev st., Novosibirsk, 630090, e-mail: agro_iwa@mail.ru.